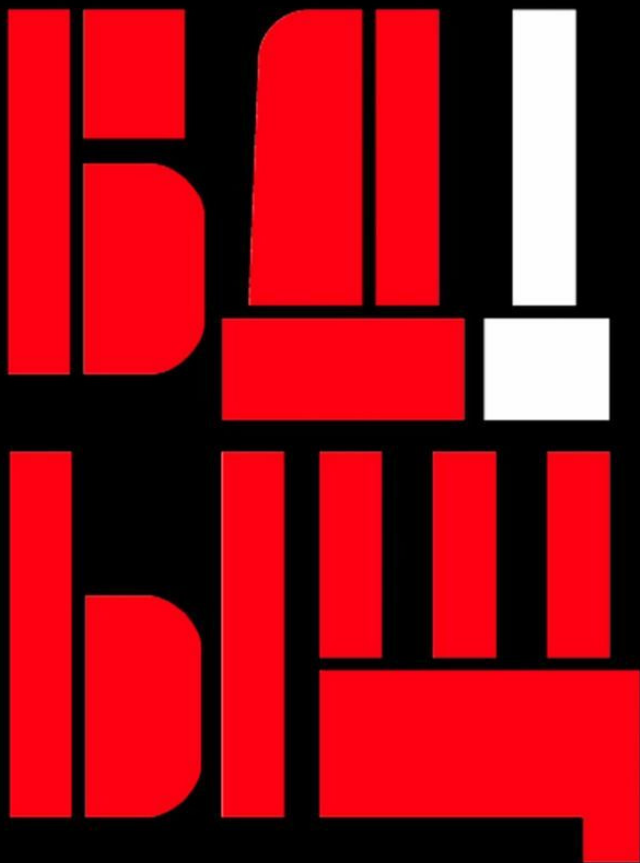

18+

АЛЕКСАНДР ЕСАУЛОВ

Александр Есаулов

БДЫЩ!

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=51141231

ISBN 9785449824189

Аннотация

НЕЗАКОННОЕ ПОТРЕБЛЕНИЕ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ, ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ, ИХ АНАЛОГОВ ПРИЧИНЯЕТ ВРЕД ЗДОРОВЬЮ, ИХ НЕЗАКОННЫЙ ОБОРОТ ЗАПРЕЩЕН И ВЛЕЧЕТ УСТАНОВЛЕННУЮ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВОМ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ. К концу 2019 года у меня набралось пять тонн материалов, которые я писал последние 10 лет. Большую часть из них я, перечитав, сжег на огне праведной графомании. Остальное я собрал в кучу и принял решение сделать еще один шаг – выпустить книгу. Все рассказы, собранные в этой книге, – короткие, сжатые, все с моим участием. Они смешные, жестокие, страшные – разные. Все какие есть – все у вас в руках сейчас. Книга содержит нецензурную брань.

Содержание

Предисловие	5
Зарисовка о пиратах	7
Мочалка	10
Любитель комфорта	15
Про Толика	32
И я не вспомню этот вечер	45
Камень и я	52
Конец ознакомительного фрагмента.	55

БДЫЩ!

Александр Есаулов

© Александр Есаулов, 2020

ISBN 978-5-4498-2418-9

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Предисловие

К концу 2019 годы у меня набралось пять тонн материалов, которые я писал последние 10 лет. Большую часть из них я, перечитав, сжег на огне праведной графомании. Остальное собрал в кучу на сайте esaulov.me. Признаться я, как и любой «писатель», уверен в том, что стоит мне запустить сайт, как сразу же придет слава и известность. Сравнивая свои тексты последних лет, с мыслями, видео и текстами современных блогеров – мне показалось, что стоит мне вывалить свое добро в Интернете – и толпы влюбленных фанатов начнут преследовать меня по улицам. И вот мое нахальное лицо уже сверкает лысиной на сайте – а фанатов не видать. Каждое утро, выходя из дома, я оглядываюсь по сторонам – но нет... никто не кидает в меня трусики и не просит подписать бережно распечатанные листочки. Я смотрю видео, где молодой парень бьет воду ножом, и на миллион просмотров этого видео – и праведная злость переполняет меня. Как же так?

Поэтому я принял решение сделать еще один шаг – и выпустить книгу. Вся свою жизнь, сколько я себя помню, я пытался написать книгу – не рассказ, не эссе, не размышление – а именно книгу. Повесть. Роман. С множеством сюжетных линий и персонажей. Минимум как Лев Толстой. Но каждый раз, начиная писать что-то длиннее трех стра-

ниц – я устаю. Персонажи теряют свой настрой. Линия сюжета скукоживается. Кроме того я понял кое-что про себя, как писателя – я могу писать только о том, где я был. Только о том, что я видел – а выдумывать мне не хватает ума и фантазии. Поэтому рассказы – короткие, сжатые, все с моим участием. Они смешные, жестокие, страшные – разные. Все какие есть – все у вас в руках сейчас.

Так вот мое самовлюбленное и уязвленное эго перешло на новый уровень, и я решился на издание- и вот тогда, я уверен, поклонники и поклонницы и не дадут мне большие спокойной жизни.

В качестве последнего абзаца к этому предисловию я хочу сказать спасибо Дарье Воронцовой и Антону Гулякину, без которых этой книги бы не было.

Зарисовка о пиратах

Сижу я вот так вот иногда на подоконнике и смотрю на Смоленское кладбище. Оно такое – тихое, в общем-то, местечко. Люди там разные лежат, как я понимаю. Вот так сидишь и думаешь, как все в жизни плохо, кризис среднего возраста настал, долгов по уши, психика явно нарушена, половина друзей умерла, а вторая половина растворилась по дороге... и вот сидишь, весь покрытый страданиями, которые как плед обволакивают тебя. Ну и все уже, весь ты готовый к собственным похоронам, жить не хочется, не жить тоже не хочется, и все это превращается в мечтания о том, как все будут страдать, если ты пропадешь. Потом мечтаешь, что будут говорить – и прям сам в себя заново влюбился. А потом раз – и представил, как просто ты уехал куда-то «навсегда». Все отключил. И там бродил где-то десять лет. Желательно вдоль моря. И все уже такие тебя забыли, но ты им снишься. И они все тебя помнят, все о тебе непрерывно говорят, и так далее. И вот стук в дверь старого друга... он открывает. А там ТЫ. Весь обветренный, загорелый, молчаливый. И смотришь так на него пристально, он молчит, дети его выбегают: «Папа, папа, кто этот прекрасный и мужественный дядя?». А ты так пристально смотришь ему в глаза, словно даешь понять, что ты-то все помнишь и знаешь, что эти десять лет он тебя не искал по закоулкам вселенной

и предал все ваши общие мечты, и уходишь, желательно, звеня шпорами. И друг такой, сквозь слезы понимания и отчаяния: «Это ОН...».

Ну а потом, понятное дело, к НЕЙ. К кому это – к НЕЙ – не имеет значения, они в каждый момент времени разные. Я имею в виду, что в каждый момент жизни ОНА может быть разной. И вот ты стоишь у нее во дворе, например. Все такой же мужественный, обветренный и просоленный ветрами. Может, ты пиратом был десять лет. Открывается дверь парадной. Она выходит с мужем и ребенком, например. Мир замирает. Не дождалась, понимают зрители (откуда в мечтах берутся зрители непонятно, но они есть). Во дворе, естественно, кроме нас никого нет, это же фантазии, перекаати поле летит, солнце спадает и тень от шляпы закрывает твои глаза – да-да, это я в ковбойской шляпе, и это выглядит в Питере совершенно нормально. Короче, такой Крокодил Данди на выгуле. И вот она упирается в твою фигуру. А ты за десять лет, конечно же, только лучше стал. Прямо пресс видно, такой весь поджарый, как гончая, с ровным слоем маслянистого загара. Дыхание ей тут же сперло. Она смотрит, делает шаг навстречу, но не знает, как быть дальше! Все как в кино, в общем. Ну ты, понятное дело, смотришь, чуть презрительно, но с пониманием. И опять ребенок: «Мама, мама, кто это?». И тут уже муж ее новый, все поняв: «Эх, сынок... это же ОН». Она вся в слезах, но деваться-то некуда, муж/дети/ипотека. И вот ты уже шляпы коснулся двумя

пальцами – отсалютовал, одними мужественными глазами улыбнулся и идешь. В полной тишине звенят шпоры.

И вот ты уже погряз в своих мечтах, взял в руки телефон посмотреть билеты в Сомали и погуглить, как записаться в пираты. А там старший сын в смс тебе сочинение на проверку прислал. Думаешь, ну вот проверю, и сразу билеты смотрю. Пока проверяешь, бывшая жена прислала счет на репетиторов и номера их карт. Пока деньги переводил, младшему сыну босоножки потребовались. Пока босоножки поблизости искал, оказалось, что завтра нужно зарплату выдать. Пока считал, сколько же завтра денег потребуется, чуешь – мусором из ведра завоняло. Пока мусор выносил, вспомнил, что обещал приятелю с переездом помочь. Пока договаривался с ним, забыл уже и про шпоры, и про шляпу, и про пиратов. Смотришь в историю поиска и думаешь, какого хера я искал Сомали сегодня, что за пираты?!!

Мочалка

Я, конечно, не Буковски, написать так не могу. Я также и не Маркес с его воспоминаниями о своих шлюшках. Но вчера я сидел в Сапсане, перелистывая миллион моих изданных и неизданных текстов. Читал их, просматривал, смеялся над ошибками и шероховатостями. И вдруг я понял, что в моих эссе есть все, что я люблю: депрессия, испытание, страдание, юмор, страх будущего. Много смерти и предательства, много идиотизма. А вот женщин нет. От слова совсем. Лишь в поздних уже очень несмело появляются женщины, которых я знал и любил. Имеет смысл вспоминать только тех, которые оставили рану на моем сердце. Их нужно увековечить на страницах этого эссе, на страницах моей жизни и памяти. И вот я сижу, заварив себе дерьмовый кофе на офисном столе, и, преодолевая собственную робость и смущение, пытаюсь вспомнить их. Вспомнить их улыбки, смех, вспомнить, как они смотрели на меня, когда были в меня влюблены, и как горели их глаза, когда я бесил и раздражал их, когда они хлопали дверью, уходя, а я оставался и зачастую больше никогда не видел их... И, вы знаете, я не смог. Я вспоминаю только самые яркие и смешные моменты. И именно о них я хочу поговорить.

Звали ее, предположим, Оксана. У меня просто ни разу в жизни не было Оксаны, поэтому я использую именно это

имя. Мы с ней както не очень романтично познакомились, и я долго за ней ухлестывал, отправляя ей цветы, корзинки с едой и фруктами и, на самом деле, атакуя сообщениями. При этом современные технологии давали мне возможность все это делать, находясь в разных частях света, самолетах и поездах. Мне помогали социальные сети, в которых я мог смотреть чем занята она, а она – чем занят я. В какой-то момент, несомненно прекрасный, она начала иногда появляться у меня дома и на тусовках среди моих и ее друзей, но так как возраст у нас уже на тот момент был «за тридцать» и решения вроде «мы пара», «она моя девушка», «мы живем вместе» давались нам с трудом, мы оба делали вид, что просто друг с другом развлекаемся. Но все же она оставалась женщиной – ей требовалось несколько больше средств к существованию, чем мне. Я говорю о том, без чего не может женщина в чужой квартире: косметика, одежда, какие-то неведомые мне вещи в ванной... все это медленно и непреклонно атаковало мое жилье.

Но я, знаете ли, давно один живу. Квартира моя полна опасностей и моих друзей. Чайник, губка для мытья посуды, мочалка – всем им, живущим со мной много лет, я даю имена и безгранично им доверяю. Иногда во время мытья посуды я даже напеваю песенку про Эрику (так я называю свою губку). Стучая, очень нежно, по кнопке чайника, я всегда про себя желаю Антону (так зовут чайник) удачи. Но ближе всех мы, конечно, как вы понимаете, были с этой штукой, кото-

рой мылятся, – мочалка, да? Уже несколько лет она, оранжево-черная, неизменно ждала меня в душе. И мы с ней, прямо скажем, многое пережили.

И вот тут было явное недопонимание. Оксана ненавидела всех моих друзей. Она боялась касаться Эрики, потому что ей казалось, что та уже стала живой. Она постоянно говорила, что Антон слишком шумный, долгий и злой. На мои аргументы, что Антон уже стар и его нужно беречь, она просто отмахивалась с видом «боже, какая чушь». Верхом стал момент, когда Оксана, голая в постели, гибкая, красивая, сексуальная, укусила меня нежно за ухо и спросила: «Милый, давай выкинем мочалку?..». Поверьте, я очень легко завожусь в постели, но в тот момент вся кровь от жизненно важных мест прилила к мозгу. Я отстранил ее горячее тело и губы от себя и пристально посмотрел на нее своими диковатыми глазами, словно не узнавая. В ту ночь секса у меня с ней не было, хотя я очень этого хотел, но я не мог предать друзей. Она отвернулась, разозленная моей преданностью, и лежала, выпятив все свои сексуальные прелести. А я смотрел в потолок и думал о том, что, когда ее мурчащие коты ползали по мне в те редкие ночи, когда я у нее ночевал, я не предлагал выкинуть их в окно.

...я пришел домой поздно. И она впервые встречала меня дома, войдя в квартиру без меня. Я оставил ключи на охране, и их любезно передали Оксане. Я вернулся, окутанный головной болью, проблемами и нервами, а она ждала меня,

подозрительно красивая, в вечернем платье, со своими кудрявыми рыжими волосами, которые мгновенно сводили меня с ума. Все это несколько настораживало, но моя интуиция быстро смолкла, когда я почувствовал запах ее волос, тела, губ. Я что-то ел, болтая с ней, и она была удивительно мила в тот вечер, на секунду упрятав подальше свой сарказм и шутки. Она целовала меня в спину, подавала чай, и я счастливо отдыхал от своих забот. Она даже не дала мне помыть посуду, хотя там была всего пара тарелок.

– Пойдем в душ вместе? – ненавязчиво тиская меня, жарко прошептала она мне в ухо.

Но понимаете, я весь день был в поездке, я не успел помыться после тренировки, мне было очень нехорошо при мысли, что вот я разденусь и она почувствует мой запах немытого и уставшего тела. И я, улизнув, нырнул в душевую кабинку один. Рука моя привычно потянулась к мочалке... и тут я почувствовал что-то не то. Смыв с лица мыло, я понял – мочалка была не того цвета. Не того размера. Не той, столь родной и любимой мной, консистенции. Это была не моя старая подруга, а какая неодушевленная тряпка, которая не смела касаться моего тела. Я оглядел ванную и понял, что вот это и есть предательство. Натянув полотенце на чресла, намыленный, я в ярости вбежал в кухню, и, не глядя на Оксану, метнулся к раковине. Эрики, моей любимой губки, не было. Вместо нее, сверкая белизной, валялось какое-то несусветное для меня современное говно для

мытья тарелок.

– Саша, я не могла мыться, я не могла касаться этих твоих «дру-зей», – кричала на меня Оксана, когда я, полностью подавленный, сел мокрый на диван. – Понимаешь? Ну там же просто уже своя жизнь началась в ней, этой мочалке сто лет было, понимаешь?

– Четыре года, – тихо сказал я.

– Что четыре года? – она сбилась с крика.

Им было по четыре года обоим. Я их вместе купил в «Улыбке радуги» – так же тихо сказал я. Я обошел Оксану, дав ей взять меня за руку, вытащил из розетки чайник-Антон и ушел с ним в спальню.

Спрятав Антона подальше, я оделся и вернулся к Оксане. Сев перед ней, я взял ее за руки. Посмотрел в серо-зеленые глаза и спросил:

– Скажи мне. Ты вынесла их на помойку за домом или в дру-гое место?

Любитель комфорта

«Я люблю комфорт», – с этими словами он победно огляделся по сторонам. Я молча сидел в углу, прикрыв веки. Незнакомая компания в незнакомом месте. Чтоб не сказать грубость, я молчал. Компания была «не моя». Странные шутки, много дружелюбных людей, девушки, алкоголь. Короче, оптимизм лился рекой, все как я не люблю. Оказался я в ней случайно. Очень близкий мне товарищ пригласил меня на свой праздник, и я не мог отказать, не обидев его. Но зная меня, он посадил меня среди самых мрачных с его точки зрения гостей, а я все равно смотрел на кухню, где в одиночестве сидел и наслаждался кормом его пес. Огромный питбуль явно чувствовал мою зависть и периодически скалился клыками в мою сторону.

Мне тут недавно сказали, что социопатия – это клиническая форма психопатии. Сказал это незнакомый мне дядя, с которым я сидел в одном ряду в самолете. Сказал, когда на жизнерадостный вопрос после приветствия «куда вы летите?» я молча надел наушники.

Компания мне не нравилась... Я уже потихоньку собирался уйти по-английски, когда все стали обсуждать путешествия. Отели. Пляжи. Архитектурные излишества. Рестораны в Париже. Клубы в Барселоне. «Я люблю комфорт, – сказал он, – чтобы завтрак в отеле приносили в номер, напри-

мер». Он был в хорошей форме, этот любитель комфорта, с красивой девушкой. Он пил виски медленными скупыми глотками и очень громко говорил. Его девушка послушно кивала чрезмерно накрашенным личиком и тянула, как ребенок, через трубочку коктейль.

«Ты будешь завтракать?» – вопрос я слышу, но ответить пока не могу. Губы ссохлись от недостатка воды, в горле как будто наждачка, я с трудом собираю каплю слюны, сглатываю, чувствуя едкий привкус, и только потом сипло говорю: «Да». На меня сквозь щель в спальнике смотрит помятое лицо моего товарища Руслана. На нем следами и вмятинами виден рельеф руки, на которой он спал. Холодно. Изморозь покрыла стены палатки, мы лежим в шапках, флисовых куртках. Сильный ветер трепал нас всю ночь, поспать нормально так и не удалось. Сегодня его очередь, поэтому он и спросил про завтрак. Я точно знаю, что он ждал моего отказа, ведь чтобы приготовить завтрак, нужно одеться, вылезти на ледник, накопать чистого снега, который потом долго растапливать на горелке, чтобы сварить кашу и чай. Он молча смотрит на меня. Лицо у него исключительно горское, с хищным орлиным носом, глубокими складками, грубоватое. С него можно лепить любой кавказский образ. Поняв, что я не передумаю, он также молча начинает одеваться. В двухместной палатке это длительная и сложная процедура, требующая немалой сноровки. Оставшись один, я смотрю в щель мембраны и вижу бескрайний сверкающий

снег и лед. Пасмурная погода придает ландшафту мрачные и тоскливые формы, словно это Мордор из сказок Толкиена. Наваленные груды камней от селей и лавин, гигантская морена ледника кажутся бескрайними и мертвыми. Но я слышу шум подземных ручьев, крик ветра и скрежет серраков, прилипших к скалам. Я слышу дыхание гор вокруг себя, и в этом унылом одиночестве я задремываю, пока Руслан не возвращается с котелком, полным снега. Газ весело пляшет на горелке, мы медленно просыпаемся, и вот он уже весело кричит: «Вставай! Завтрак в номер подан!».

Это воспоминание захватило меня, и я прослушал вопрос девушки напротив. Она смотрит на меня, ожидая ответа, но я пропустил вопрос и не знаю, что сказать. Ее муж тоже смотрит на меня, и, видимо, у меня глуповатое выражение на лице. Они переглядываются. «Саша? – мой приятель зорко следит за моим поведением. – Тебя спросили, где тебе нравится отдыхать». Я киваю, как болванчик, и пытаюсь придумать ответ, за которым не последует дополнительный вопрос. Это значит, что мне нужно соврать. Я так долго придумываю ответ, что заинтригованы уже все, кто сидит за столом. Любитель завтраков в постель тоже внимает.

– Европа, – говорю я. – Мне нравится Европа.

Ответ настолько неточен, что компания ждет продолжения. Тут мне на помощь приходит мой приятель.

– Он все врет! Он постоянно ездит, но любит он горы, – и кивает на меня, как на кота, который впервые пописал

в унитаза.

– О! Любишь чистый горный воздух? – любитель комфорта по-всюду. – Хочешь дольше прожить?

Все смеются. Всем весело. Горы – это так мило. Вино, грог. Спа-процедуры. Они думают, я катаюсь на лыжах в Альпах и пью глинтвейн на террасе ресторана у подножья Маттерхорна, всасывая в себя «свежий, горный воздух».

Ветер сбил меня с ног. Порыв поднял с плато снег, и я, не удержавшись, падаю на спину. В последний момент я успеваю воткнуть палку между камнями, она на доли секунды задерживает мое падение, но тут же с треском ломается пополам. Я не упал. В реве урагана я смотрю на кусок палки в руках и в ярости отшвыриваю его в сторону. Теперь идти будет еще сложнее. Я достаю короткий ледоруб и ступаю дальше по следам напарника. Несмотря на то, что я к нему привязан, я не вижу его, снег превращает все вокруг меня в «молоко». Я смотрю на выющую под ногами веревку и чувствую легкое натяжение – знак того, что идти ближайšie десять метров безопасно. Я дышу коротко и часто, когда иду, и длинными глубокими вдохами, когда стою. На высоте почти пять километров кислорода совсем не так много, как все привыкли, и каждый шаг и вдох даются мне с трудом. Иногда кажется, что воздух просто кончился. Тело пытается забрать кислород отовсюду, идет огромная потеря жидкости, обезвоживание. Я очень хочу пить, но для этого нужно дернуть за веревку, подтянуть к себе напарника, снять

рюкзак, перчатки, с риском обморозить пальцы попытаться достать термос. Это невозможно при таком ветре, и я, сделав жадный вдох, делаю следующий шаг. Когда я спущусь, мое лицо и тело станут на год старше. Этот год я отдам этой ночи и этим скалам.

...да. Хочу жить вечно, – я выдавливаю из себя улыбку, – вечно!

Все смеются. Почему-то смешно прозвучало, или я смешной. Мне вот кажется, я смешной. Людям часто со мной весело. Шум за столом возобновляется, слышится звон вилок, чоканье. Я снова начинаю готовить пути отхода, прицеливаясь на дверь в прихожую. Размышляю, удобно ли уйти, не попрощавшись. Понимаю, что просто встать и уйти не получится, никто так не делал, а туалет в другой стороне квартиры. А встать и попрощаться – значит, нарваться на многочисленные вопросы «почему так рано». Я точно помню, что любитель комфорта выходил курить, и решаю дожидаться и выйти с ним, как будто я тоже курю. И свалить.

Все веселы и кажутся беззаботными, прикрывшись масками успеха и расточительства. Засунув свои тела в модные вещи, они ежедневно строят из себя кого-то другого. Нарисованные брови, выстриженные щетины с четкими контурами, промазанные кремами женские лица сверкают, как блин на солнце. Разговоры «за бизнес», кредиты и фуры. Мы все ровесники. Нам всем «за тридцать». И я не другой. Встав с утра, я надеваю маску, иногда даже сразу много масок.

Счастье, радость, злость, уверенность – что угодно ситуации. В моем заплечном мешке множество личин.

Как актер японского театра Кабуки, я весь день ношу эти лица и лишь ночью, словно уставший исполнитель своей роли, я снимаю их и, оставаясь наедине с самим собой, становлюсь тем, кто я есть. Унылым и скучным социопатом. Но сейчас на мне маска дружелюбия. Во всяком случае, мне так кажется...

«Еб..е, еб..е...» – все время, что мы едем, водитель матерится. Причем делает это мерзко и грязно. Я уже давно включил музыку в наушниках и отключился от попыток связать его речь в какую-то внятную нить. Вокруг темнота, машина мчится по перевалам и ущельям. Внутри меня только одно чувство – предвкушение нескольких дней полного одиночества, пока не приедут мои напарники. Три часа матерных причитаний и стонов изуродованной старостью девятки, и я слышу скрежет колес, когда такси скрывается за поворотом. Полнейшая тишина горного поселка, в котором живут пять тысяч человек. Я должен позвонить, что приехал, и меня встретят, проведут в дом, накормят.

Но я стою на обочине совершенно пустынной незнакомой дороги, у моих ног рюкзак и баул. Прохладный горный ветер ласково касается моего лица. Я закрываю глаза и поднимаю голову, подставляя лицо бризу. В невысоких домах вокруг почти не горит свет, где-то мычит полусонная корова. А я все не могу заставить себя позвонить я хочу стоять здесь

ночь, день и снова ночь... Быть собой. Неумелым, мрачным гопником.

Рядом курят кальян. Курящий делает это с таким лицом, словно он отбил этот кальян у султана Брунея. Развалившись жирными телесами на диванчике, он покровительственно смотрит чуть пьяным взглядом по сторонам. Наткнувшись на мой озирающегося меня, он кивает и спрашивает: «Ты чего такой грустный?». Я молча и натянуто улыбаюсь, но этого ему мало, он грузно встает и наливает мне в стакан порцию водки. Я вежливо отказываюсь, проклиная себя за то, что пришел. Он наклоняется ко мне и тыкает в меня бокалом.

Я не пью, – глазами я пытаюсь найти приятеля, чтоб он избавил меня от своего назойливого гостя, но его нигде нет.

Толстяк грозно тыкает меня бокалом в грудь уже с явным намерением заставить меня выпить. Шутки про то, что я в завязке, сыплются со стороны, девушки звонко и пьяно смеются, рекомендуя толстяку влить в меня виски силой. Он высокий. Почти моего роста.

Он тянет бокал уже прямо к моему лицу...

...эти люди. Совсем иные. Совсем другие. Те, кто поднимал меня, когда я скатился с насыпи. Которые вливали мне горячий чай, свой последний чай, в мой посиневший от холода рот. Те, кто не видел меня раньше, те, кто бросил все, и побежал ко мне обратно по снегу, увидев, как я катился почти без сознания. Я помню, как ласково поддерживали мою голову, чтобы я не подавился. Как мне не давали жадно гло-

тать, чтобы я не обжегся. Те люди. Которые больше ни разу этого не вспомнили и сидели рядом уже в тепле базового лагеря. Как я притихший слушал рассказы этих людей о завоеванных ими вершинах. Как, смеясь, они говорили просто о том, о чем я не смею даже мечтать. Как они видели во мне равного, хотя это не так. А потом самый известный из них встал и пошел готовить ужин на газовой горелке, и, обернувшись, спросил, буду я чеснок в каше или отдельно.

Толстяк ткнул мне гранью стакана в рот под общий нетрезвый хохот. Он приближает свое лицо к моему почти в упор. Я чувствую едкий запах водки из стакана. Мгновенная злость от того, как далек этот человек от тех, среди кого я бы хотел провести свое время, от того, как далек этот потный, пьяный, неумный дурак от тех, кого я хотел бы видеть рядом, вырывается наружу, я отталкиваю руку со стаканом и коротко, без замаха, бью его лбом в нос. Он опрокидывается на жопу, кровь льется на рубашку и пол, все на ногах. Его окружают гости застолья, коряво пытаюсь поднять тушу на ноги, чтоб усадить на стул, на меня кричат женщины и зачем-то хватают за руки, хотя уже все закончилось. Толстяк бормочет что-то невразумительное и угрожающее о том, что меня найдут. Я в каком-то странном оцепенении смотрю на все это, не слыша ничего вокруг. Приятель, пригласивший меня, устало смотрит на меня через весь стол. Я чуть заметно, извиняясь, развожу руками и выхожу в прихожую...

Я не молодею. Не старею. Мой возраст – в самый раз. Самое время для переосмысления своего настоящего. Жизнь моя больше не состоит из маски успеха... Ребенком я много мечтал, как и все дети.

Быть рыцарем, героем, спасателем. И каждый следующий год я отдаляюсь от своих детских мечтаний. Быть, а не казаться... быть. Надев туфли, я выхожу на улицу, ни с кем не прощаясь.

Тьма абсолютна. Ничего нет. Я касаюсь кнопки налобного фонаря, и он выхватывает пучком света мир вокруг меня. Не холодно. Под задницу я положил пенку, сидеть хорошо, хоть и сижу я на голом камне скального выступа. Мои мысли гуляют где-то далеко, в руках большой термос. В нем лучший напиток, который я пил: сухофрукты, мед, лимон и кипяток с небольшой порцией заварки. Варить долго, пить горячим. Готовил не я, готовил в качестве подарка мой сосед по палатке, пятидесятилетний врач из Казани. Добродушный болтун, он долго отмеривал все ингредиенты и, несмотря на мои робкие отказы, влил в меня литр этого напитка и наполнил им мой термос. Дым из крышки качается передо мной, ветра нет. Полный штиль в горах – редкость, и я замираю, чтобы не потревожить это вселенское спокойствие. Миллионы тонн камня, снега и льда. Монументальность пейзажа заставляет меня преклониться. Моя жизнь, мысли – все это кажется таким мелким и смешным на фоне вечности. Я пытаюсь подумать хоть о чем-то конкретном, порассуждать,

поговорить сам с собой. Подвести итоги. Но ничего не выходит, мозги не концентрируются ни на чем. Постепенно вся суета и проблемы оставляют меня. Я глубоко вдыхаю разреженный воздух высоты почти четыре километра. Ни огонька, ни шума, ничего. Аккуратно, чтобы не обжечься, я глотаю чай, нарушая окружившее меня величие своим хлюпаньем. Из кармана я достаю «Сникерс» и начинаю грызть его вприкуску. Я почти плачу от радости, что я вот так вот, тут, один. Подо мной раскинулся Кавказский хребет. На вершинах пятитысячников начинается разгораться рассвет, тьма уже не так беспросветна. Начинается новый день... Я чокаюсь крышкой от термоса со сникерсом – сегодня мне исполнился тридцать один год...

Через несколько часов, уже в ярком, искристом дне, я ввалюсь в кухню базового лагеря, где меня поздравят с днем рождения незнакомые люди. Пожмут руки. Будут смеяться своим же шуткам. Отложат ранний выход в путь, чтобы в качестве исключения позавтракать сублимированной кашей вместе со мной. Я не знаю их имен. Я не помню, кто они. Но я улыбаюсь.

Я ем мерзкую кашу и улыбаюсь.

Я вспоминаю себя маленького...

Я вспоминаю снег. Я вспоминаю себя маленького. Вспоминаю яркое солнце и сверкающие на солнце, отражающемся от снега, зубы своих таких же сорванцов друзей. Мы смеемся непрерывно. Мы кидаемся гигантскими снежками,

орем и носимся между собак и помоек друг за другом без страха. Мы смеемся до слез, и в моих глазах нет забот. Я знаю, что дома мама и папа. Меня не смущает отсутствие деликатесов и денег у семьи. Я счастлив...

Я вспоминаю своего отца и мать. Маленькая квартира на первом этаже у самого КПП – северный военный город был закрыт для обычных людей. Почему-то вспоминаю тот снег. Чистый-чистый. Хрустальный. Тогда у меня и зубы были белые, не то, что сейчас. Хотя я связываю это с тем, какое количество глоток я перегрыз за последние годы. Вот они и почернели. Я сам почернел, и зубы тоже.

Я бывал в сотнях ресторанов. Модных, дорогих, красивых и уродливых. Я пил кофе в тысяче мест. От кофеен Каира до уличных ларьков Нью-Йорка. Устало и бодро, на бегу и с чувством. Я люблю кофе, но вот я сижу тут, в шалмане, и чувствую покой, как и всегда. Дерьмо в стакане это – не кофе, мясо – это не кура. Все это суррогат. И моя жизнь напоминает суррогат. Словно вместо меня живет кто-то другой. А ведь многие, как бы тщеславно это ни звучало, позавидуют моей жизни. Я был в куче мест, где не бывал никто, но сейчас, в тридцать один год, эта мысль не греет меня. Выходя из аэропорта, вокзала, корабля в любом новом городе, я не чувствую радости. Я так привык к этому, что лишь вижу людей, места, события, познаю их и пропускаю через себя, чтобы завтра стать таким же, как те, кто живет здесь. Все чаще мои мысли порабащают меня. Все чаще мысли и желания

поменять свою жизнь портят мое настроение и мои дни. Кто я? Кем я стал в тридцать один год? Ведь это немного, но что я сделал за это время? Я оборачиваюсь назад и не вижу статуи со своим именем и построенных мною городов. Не вижу ничего, что бы я создал, зато вижу множество того, что я разрушил. Любовь, дружбу, дела, которыми я жил. Оборачиваясь назад, я вижу призраков тех, кто, как я думал, всегда будут рядом. А сейчас я намеренно пытаюсь создать вакуум вокруг себя, чтобы не сойти с ума от мыслей о том, как много я смог просрать за всего лишь тридцать один год.

Много дней назад я открыл глаза в сумраке какой-то комнаты, один в голой и жесткой постели. В окне маячила луна, освещая эту комнату, и я с ужасом, покрываясь холодным потом, понял, что не знаю, где нахожусь. Что я не могу вспомнить, как я здесь оказался, зачем я тут. Резко сев на кровати, я не смог даже осознать, что это за город. Лишь через несколько долгих мгновений я вспомнил, что это Ростов-на-Дону, что я прилетел поздно вечером и утром мне нужно вставать, чтобы сесть на поезд в Краснодар. Не испытывая никакого счастья познания, я перестал видеть существенную разницу между криминальным Комптоном, в котором чудом меня не застрелили местные головорезы, и гомосексуальным Римом, в котором я часами пытался пройти по узким улочкам, слушая мерзкие крики несносных поборников однополрой любви, которые почему-то выбрали именно эти дни для проведения своих парадов.

Я вспоминаю, как мы кричали, на бегу кидая друг в друга снежки. Я вспоминаю, что мы жили в угловом доме на самом краю городка, и вечером, когда город наполнялся суровыми черными мундирами, сотнями черных бушлатов идущих по домам офицеров, я прилипал к окну и ждал отца. Один из мундиров, который не свернет до нашей парадной, и будет моим отцом. Каждый мой день был наполнен смыслом. Каждый следующий день был открытием. Каждый друг был навсегда, а каждый враг – заклятый. И все имело смысл. Я помню все мои мечты, и где они сейчас? Я трезво и без прикрас могу взглянуть на свою жизнь, и где я сейчас? Как далеко увело меня от всего, о чем я мечтал? Где начались те незаметные мне развилки, которые привели меня туда, где я сейчас?

Комптон – это самый криминальный город в Америке. То самое страшное место во всех Соединенных Штатах. Больше тысячи убийств в год. Город разделен на банды между черными и латиносами. Полиция не заезжает в большую часть районов. Перебитые стекла. Город наводнен оружием и наркотиками. Мне кажется сейчас, что проще всего было бы просто стереть его с лица Земли. Все это я понял и прочитал потом, в Википедии. А сейчас я сидел пьяный, что редкость для меня, окруженный недобрыми взглядами окружающих меня головорезов, за барной стойкой «бикини бара». Даже в самом страшном сне я не мог представить себе такое место в ни в одном гадюшнике мира, коих я повидал нема-

ло. Грязная, мерзкая барная стойка. Два огромных, как в кино, негра на охране долго и молча сверлили меня глазами, прежде чем впустить внутрь. Обыскивая не в пример дотошнее, чем в аэропорту, они громко, не стесняясь, обсуждали, сколько я проживу в их городе. Радостно было только то, что я уже был пьян. В Америке не могут остановить машину просто так, поэтому, когда в Северном Голливуде я впал в депрессию и накачался виски с колой, и кто-то из случайных собеседников, в ответ на мои озлобленные возгласы сказал, что таким, как я, место в Комптоне, я, едва держась на ногах, сел в арендованный Шеви и поехал, путая съезды и постоянно сбиваясь с пути. И что я испытал? Чувство страха не заполонило меня, когда я опустился на стул у стойки и толстая барменша плеснула мне чего-то в стакан. Вокруг кружились в каком-то паралитическом припадке самые страхолюдные женщины, собранные со всего мира и засунутые в этот бар как «танцовщицы».

Каждый раз, когда какая-то из местных свиноматок опрокидывалась на шесте, я думал о том, что сейчас пилон просто согнетса пополам. Мои неприятности начались после того, как одна из местных красоток предложила мне приват за двенадцать баксов. Смотреть можно, трогать нельзя. Она весила ровно втрое больше меня, и последний ее подбородок покоился на огромной, в три обхвата груди. Даже в самой своей страшной фантазии я не видел себя и ее в одной комнате. Поэтому я и спросил, кто кому будет платить: я ей

или она мне. Сарказм не доведет тебя до хорошего, говорили мне. Именно эту фразу я вспомнил, когда меня выволокли на улицу и швырнули мордой в асфальт. Чуть попинав меня ногами для приличия и обозвав Снежком, меня галантно оставили отдыхать и чувствовать боль сквозь стремительно выветривающийся хмель. Я полз к машине, сплевывая грязь и песок, и не чувствовал ничего. Не чувствовал и не хотел ничего. Мой чистый разум отключился от всего происходящего и словно смотрел со стороны на этого жалкого, пьяного ублюдка, потерявшего остатки стремления к завтрашнему дню. Я понимал, и понимаю, что что-то не так и что я делаю что-то не так. Но эта мысль постоянно ускользает от меня в череду ежедневного быта и забот... та самая мысль. Как должно быть.

Я сижу дома и смотрю в стену. Зажатый на коленях ноутбук призывно светится – давай, пиши. А я не могу. Словно потратив все свои эмоции на собственные мысли, я сбивчиво объясняю себе, что происходит с моей жизнью. Тепло и уют больше не влекут меня. Мои мечты становятся все более приземленными. Чувствуя это, я понимаю, что живу не так, как хотел когда-то.

Я так часто слышал это выражение, что даже не могу себе представить, сколько раз. Наверное, миллион. Кто-то смеясь, кто-то всерьез, кто-то в рассказах говорил о том, как он переживал этот момент. У меня всегда был вопрос, когда приходит этот кризис? Как все это выглядит? Что нуж-

но делать? Как правило, кроме невнятного «сам поймешь» я ничего не мог услышать. И вот мне настало тридцать лет. А потом, как ни странно, тридцать один. И я потихоньку начал чувствовать некий дискомфорт в своей голове. В своей жизни. За последние пять лет она менялась множество раз. В ней появлялись и исчезали тысячи людей. Они все пропали втуне, потеряв меня, а скорее я потерял их. Я болел, кричал и даже пару раз плакал на могилах своих друзей. И все это время я непрерывно думал: что же я это делаю?

Именно так – что же это я такое делаю? Зачем я это делаю? Я просыпаюсь в самолетах и поездах, резко открываю глаза и чувствую – что-то не так. Что-то не так в моей жизни, в моей судьбе. Я смотрю на своих попутчиков, которые недоверчиво поглядывают на мое лицо, когда я смотрю на них в упор, и мне не понятно, зачем все это мне?

И вот сейчас, в многочасовом перелете, я понимаю – наступил самый тревожный момент всей моей жизни. Сейчас я как никогда готов совершить глупость. И как никогда при этом я не далек от того, чтобы хоть что-то поменять в своей жизни. Я словно встал на рельсы, которые должны были привезти меня к моей мечте, но вот пара рельс повела меня в другую сторону, все дальше и дальше, и я вижу на параллельной дороге все то, к чему так хотел прийти, кричу, но рельсы уже не отпускают, лишь отдаляя меня. И я знаю, что года возьмут свое, и я просто перестану видеть где-то в далекой параллели свои детские и юношеские фантазии

и стану сварливым и черствым. Я уже сейчас чувствую, как это гниение недовольства жизнью поражает меня.

Мы поднимались девять часов, и мои спутники устало валялись у палаток базового лагеря. Стоны, крики и мат перемешиваются с тихим ветром, насвистывающим свою мелодию между скал. Я не с ними, просто меня попросили их довести до лагеря, поэтому я, аккуратно ступая на камни, иду на окраину, где видны последние палатки, и сажусь на небольшом уступе. Счастливо сняв рюкзак, я наливаю себе из термоса чай и долго смотрю по сторонам, погружаясь в абсолютное счастье своих мыслей. Уже в который раз я задаю себе вопрос: зачем я хожу сюда? Вообще в любые горы? Зачем? Подвиг – нет. Испытание? Тем более нет. Я давно знаю ответ, но редко признаюсь в нем самому себе. Потому что здесь я счастлив. Потому что я позорно и постыдно бегу от своей ежедневной жизни, не думая ни о чем и ни о ком из тех, кто меня там ждет. Накинув капюшон, я стараюсь притвориться камнем, чтобы никто не нарушил мои минуты уединения и покоя. Ветер и снег выдувают из меня страх завтрашнего дня и своего будущего.

Я тихонько сижу и мечтаю, что все, к чему я так не хочу возвращаться, – всего лишь дурной сон.

Про Толика

Это будет странное эссе. Мне тяжело и страшно писать его. Этим эссе я признаюсь в собственной неполноценности, ограниченности и высокомерии. В том, что я глупец, самонадеянный, самоуверенный, закомплексованный дурак. И отвечая себе на вопрос, зачем я это пишу, я сознаю, что это публичная молитва самому себе. Собственной неполноценности. Вообще это интересное свойство: я не могу говорить с людьми о своих проблемах, зато я могу вот так писать о том, что ранит мою душу, мое сердце. Я слышу, как люди говорят о том, какой я мудака и подлец, и лишь надменно ухмыляюсь. Но потом я сажусь ночью в кресло и думаю, как же так?

В последней школе, в которой я учился (а всего этих школ было пять или шесть), в моем классе был один парень, самый что ни на есть обычный. Звали его, предположим, Толик. Так вот этот самый Толик не отличался ничем от манекена. Я, в свойственной мне ехидной манере называл его мистер Серость. Толик был никакой. Он был не просто средний – когда я входил в класс, в котором был только Толик, мне казалось, что в классе никого нет. Он сидел не далеко и не близко. Он был чуть полноват и хил. Это был просто Толик. А я был – не просто я, как мне казалось. Я был высокий, драчливый, нравился девушкам. Я огрызался учите-

лям и писал в своих сочинениях воззвания к революции... А Толик писал о другом – он писал о любви к природе. Писал с глупыми ошибками о том, как он хочет просто жить, улыбаться и семью. Представляете? В тринадцать лет он писал о том, что очень хочет дочь. Я так уверен в том, что он говорил об этом в своих сочинениях, потому что я, насмешливо перечитывая их вслух, издевался над ним в команде таких же малолетних подонков. Толик сидел в углу и не плакал, а как-то очень грустно улыбался, не глядя в мои полные ярости и злорадства глаза.

Я неумело трахался со сверстницами, подробно рассказывая о своих любовных победах друзьям. Мне всегда казалось, что я окружен друзьями – верными и надежными. Мы подолгу сидели по углам разных дворов, мы дрались, мы жили, как нам казалось. А Толик? Он аккуратно учился, он проводил свои дни и перемены в компании таких же безликих неудачников, а мы ходили, закованные в черно-оранжевые бомберы, расталкивая их плечами. Я вспоминаю это, и мне словно поливают сердце ядом, я вспоминаю его лицо и глаза в этот момент, полные несчастья, я вспоминаю, и слезы копятся в моих глазах, а ведь я не сентиментален. Вовсе нет...

Я поступил в институт, в целую кучу институтов. Я был горд и счастлив, и мне казалось, что никто кроме меня не изменит мир. Я дрался с милицией на концертах Алисы, я резал себе лицо в приступах бессмысленной жалости к своей жизни, и мне все это время казалось, что я жил. Жил пол-

ной жизнью юноши и мужчины. А Толик? Толик с третьего раза поступил в институт каких-то металлов. Иногда он писал мне, пытаясь услышать от меня хоть что-то человеческое, но для меня он всегда был мистер Серость. Для меня не было никакого Толика – просто пустое место. Ведь я был я. Человек, который изменит мир.

Я терял друзей, которые не были друзьями. Я ругался с отцом, не разговаривал с ним годами из-за собственной гордости и уверенности в себе. Я спал со всеми, с кем мог спать, и ненавидел всех, кто не хотел быть как я, тех, кто считал меня идиотом, – я ненавидел их всех. И все те, кто когда-то любил меня, растворились на моем пути. А Толик? Толик улыбался с фотографий своей чистой, не замаранной сарказмом и ехидством улыбкой. Он не старался быть кем-то – он был собой.

А я был не собой, а тем, кем хотел, чтоб меня видели другие. Я гнался за признанием, деньгами, сексом, я не обращал внимания ни на кого. Я учился, работал, жил. Жил непрерывно, полной жизнью – как мне казалось, только так и можно было жить. Я был воином, рыцарем, ебаным мушкетером свободы. Я мечтал все разрушить, стать террористом, кем угодно, только не провалиться в массу серости, как Толик. Я собирал анархистов, я ходил на ортодоксальные собрания сектантов, со мной было невозможно разговаривать, дружить, жить.

Когда я разошелся с первой женой и перестал жить со сво-

им сыном, у Толика родилась дочь. Невероятная в своей милоте, она была так прекрасна, что я, не сдержавшись, написал ему об этом. И тут же забыл. А он запомнил. Он писал мне о том, как он счастлив. Он писал мне о том, как скучает по мне и «тем временам» в школе. Он звал меня на все ежегодные собрания класса, а я не ходил на них, я был слишком крут для этого. Для этих никчемных неудачников.

Я создавал и разрушал свои бизнесы, терял все и снова находил. Я болел от нервов, курил и пил. Я находил себя в странных местах и городах по всему миру. Я чернел душой и становился невозможен в дружбе от своих высоких моральных принципов. Я винил людей за мелкие проступки, напропалую предавая их чувства. В моих глазах жила ненависть ко всему. Я гнил внутри как тряпка от всего этого, но при этом мне казалось, что я прекрасен. Мне казалось, что я уже прошел великий путь, но это лишь начало. Я видел себя на этой дороге один, окутанный броней своих комплексов, не видя, что я никто.

Толик стоял рядом со своей женой, которая смотрела на него как на божество, глазами полными любви. Рядом с ним стояла его дочь, держа его за руку, а на руках в свертке он держал еще одну – новорожденную. Толик счастливо и глуповато улыбался, а старшая дочка сосредоточенно впи-лась в кукурузу, кажущуюся огромной у ее маленького личика. Я ухмылялся презрительно, хотя в душе моей царило безумие. Толик был мистер Серость, а кем был в тот момент

я? Я шарахался, накачиваясь виски по пустой квартире, брошенный своими женщинами. Мой старший сын приезжал ко мне на выходные, мой младший сын не говорил (и, как выяснилось потом, и не стал говорить, окружающие говорили за моей спиной, что это наказание мне за мои грехи). А Толик кормил дочь кукурузой.

Я потерял одну семью и разрушил вторую. Я ходил в горы в поисках адреналина, лазал по скалам и пытался выковать из своего тела Брюса Ли. Я боролся, дрался, работал, забивая каждый свой день делами и проблемами, чтобы не возвращаться в холодную пустую квартиру. Каждый год Толик звонил мне два-три раза и слушал мое молчание, рассказывая о том, как он скучает по школе и по мне. Как он завидует моей яркой жизни. О том, что он работает инженером. И почему-то он не казался мне мистером Серостью. Я уже казался себе мистером Говно.

Моего младшего сына признали инвалидом, и я замкнулся в себе, проклиная всех и все на свете от бессильной ярости и невозможности что-то изменить. Я бежал от своих бед и проблем в бесконечных командировках, поездках и делах. Я накручивал себе все больше и больше бестолковых дел, чтобы у меня не было времени оглядеться по сторонам и увидеть, чего стоит моя жизнь. И когда в тридцать лет мне стало некому позвонить вечером, я позвонил Толику. Впервые в жизни. Впервые. Глубокой ночью, накачавшись кофе, не успокоившись после пробежки, в слезах от жалости к се-

бе я позвонил Толику и не смог говорить с ним. А он, словно чувствуя это, говорил сам, без остановки, вспоминая прошлое и думая о будущем, говорил наивно и мило, а я чернел внутри от того, что я такой нытик и слабак. Я не мог понять, что моей силой сейчас было бы выпустить из себя этот гной, скопившийся за тридцать лет, и хоть раз в жизни выплеснуть его наружу, а не сливать внутрь себя. Я повесил трубку, не прощаясь, и уснул тогда в одежде.

Скоро мне тридцать четыре. Все чаще на свои дни рождения я ухожу в горы один, потому что не готов переносить этот праздник среди людей. Но не так давно Толик позвал меня на день рождения к себе. Я хорошо помню тот день, я сидел в машине, уткнувшись головой в руль от усталости и думая о том, что я хочу сейчас либо напиться, либо секса. Я перебирал в голове возможные варианты этого пятничного вечера и тут он позвонил и спросил, не хотел бы я приехать на его тридцатитрехлетие. И я приехал. Был стол, накрытый его женой, и много его друзей. По квартире носились трое его детей – младший сын все время спотыкался и орал, а сестры смеялись над ним. Все, кто был на этом празднике, незримо были похожи на Толика. Улыбчивые, добрые, тихие – они смотрели на меня без упрека, хотя я сидел и отмалчивался, не вступая в разговоры. Я смотрел по сторонам. Не ел. И не мог поверить, что все вот так. Я знал, что меня ждет сегодня, и там не было ни грамма того, что я чувствовал в доме Толика. В какой-то момент его младшая трехлет-

няя дочь залезла ко мне на колени и, роняя крошки, стала жевать печенье, пристально глядя мне в глаза, иногда трогая меня за лицо, и смеялась, когда я щетиной щекотал ее ладошки. И Толик радостно смеялся, искренне веря, что именно в этом и есть счастье.

Рука у Толика была крепкая, широкая и теплая. Он проводил меня до машины, выгуливая дочку, которая напоследок, измазав меня едой, долго тискала мои небритые щеки. Толик заставил меня пообещать ей, что я еще приеду. И я пообещал, глядя в настойчивые серые глаза его дочери.

«Саша, ты гандон, а не характер сложный»

Измятая простыня стала моим флагом. Никогда не заправляемая кровать, развороченная и брошенная – вот символ моего одиночества. С кем бы я в ней ни спал, я все равно остаюсь в ней один. Ода одиночеству не в моих рассказах, не в душевной неустроенности она именно здесь. В смятых простынях моей спальни. Частенько и подолгу ворочаюсь в постели, размазывая свою усталость по кровати, пытаюсь приманить сон, и, когда он не приходит, когда дневное напряжение не дает мне уснуть, тогда я выхожу на балкон, прижимаюсь лбом к холодному стеклу и смотрю на улицу. Редкие проносящиеся машины подсвечивают Смоленское кладбище прямо напротив моего балкона, я высматриваю в полубреду фигуры призраков между крестами, вспоминая мутантов из фильма «Пикник на обочине». Так много слилось в голове к тридцати трем годам в моей жизни. Одиноче-

ство, сыновья, мимолетные влюбленности в женщин и нежелание с ними жить, секс, работа, долги и проблемы формируют великолепный коктейль моей жизни. Работа отнимает большую часть моей жизни, и к возрасту Христа начинаешь ценить те редкие моменты, когда работы нет. Когда сверло беспокойства и невроза не проделывает дырку в моем виске, и я отвлекаюсь настолько сильно, что забываю о нем. Я так долго пытался написать это эссе, что каждый раз садясь за него, я обескураженно смотрел на этот текст, совершенно забыв, о чем хотел написать. Все сливается для меня в одну гигантскую мысль, которая почему-то напоминает мне витраж в храме, через который бьет свет. И ты уже не видишь ни самой картины, ни солнца, а только разноцветный поток, бьющий в глаза. Знаете, мне, как человеку непримиримому, ощущение покоя дается очень тяжело. И поэтому у меня есть закоулок памяти, в котором я храню свои самые уютные воспоминания. И когда мне плохо, когда я не могу уснуть, когда мир стеной встает против меня, я окунаюсь в это прохладное для меня озеро и выуживаю лучшие из них. Я оборачиваюсь в темноту комнаты и вижу призраков. Они окружают меня каждую ночь и нашептывают, кем мне быть.

«У меня есть мечта...» – прочел я в тысячный раз. В сто-тысячный раз я перечитал речь Лютера Кинга. В миллионный раз я перечитал эту фразу – «У меня есть мечта». А у меня она есть, подумал я, и закрыл браузер. Свет ноутбука отражался в темноте в окне, а я старался максимально оттянуть

момент наступления сна, я не хотел, чтобы наступило завтра, я боялся. Каждый мой день стал близнецом вчерашнего, каждый мой день стал единоутробным братом завтрашнего. Я включился в бесконечную гонку за яркой жизнью – а казалось, что она все блекла, стираясь. Казалось, что уже нет той границы на рассвете между ночью и днем, а все превращается в бесконечные предрассветные сумерки без надежды. «У меня есть мечта» – нашептывал я себе, спускаясь на лифте в паркинг, чтобы добраться на своей машине до аэропорта, садясь в самолет, в полудреме посадки во Внуково.

Первой, кого я увидел, сойдя с аэроэкспресса на Киевском вокзале, была именно она. Я не хочу называть ее имя, хотя бы потому, что это воспоминание несомненно причиняет мне боль. Поэтому это будет просто она. Я был влюблен в нее до безобразия. Я чувствовал к ней физическую зависимость. Если я не думал о ней, значит, я спал, зная, что она спит рядом. Если я был один, то я не мог концентрироваться на окружающем меня мире и хотел к ней. Нас все время разделяло огромное расстояние, и меня это просто бесило. Поэтому сейчас, увидев ее зеленоватые глаза под челкой темных волос, я, расталкивая прохожих, метнулся к этим глазам, радостно вспыхнувшим, когда она меня узнала. Главным ее качеством, тем которое сводило меня с ума, была ее невероятная женственность, которая проявлялась в гибкости, страсти, в мягкой кошачьей походке и этих самых глазах школьницы-отличницы с плескающимися в ее омуте чертя-

ми. Она льнула ко мне, и сразу же я казался себе мужественным героем. Она целовала меня, и щенячий восторг ребенка вспыхивал во мне.

Я вспоминаю, как она впивалась в меня, сидя сверху, а я гладил ее мягкое, удивительно упругое молодое тело. Я вспоминаю, как ей хотелось еще и еще, снова и снова. Как она, едва войдя в снятые номера отелей, квартиры и дома, начинала раздевать меня, что-то нашептывая сбившимся от страсти дыханием. И я не мог оторваться от нее. Первая в моей жизни женщина, от которой я не мог отойти, когда был с ней, которую я хотел чувствовать каждую секунду. Не знаю, почему так было... потому что мы подолгу не виделись, потому что мы с ней никогда не жили вместе, потому что я влюбился в нее? Не знаю. Я читал ей полусонной «Вспоминая моих несчастных шлюшек» Маркеса, и она улыбалась, показывая свои белые зубки, лежа у меня на груди. Мы виделись пару раз в месяц по три-четыре дня, и я жил этими днями. Я ревновал ее ко всем, не знакомя ее ни с кем, а она не показывала меня своей семье и друзьям. Она смеялась, связывала меня в постели и приводила своих подруг, зная, что я принадлежу только ей. Я сходил с ума, прижимая к себе ее раскаленное возбуждением тело. Я жил этими ночами и ожиданием их. Я не мог смотреть с ней кино, потому что мы все время касались друг друга. Мы почти не говорили о том, что нас ждет. Завтра, послезавтра, когда-нибудь. А потом вдруг выяснилось, что говорили... Ведь это не эссе о счастливой

любви. Вообще, честно говоря, до сегодняшнего дня я никогда не писал о ней вот так. Посыпая солью рану. Ведь лишь те из женщин имеют смысл, которые оставляют на сердце рану. Те, которых вспоминаешь каждый день. Те, с кем ты каждый день сравниваешь своих мимолетных любовниц и женщин, которые идут с тобой по одному пути. Эта рана заживает, но она всегда живая. Вот и сейчас, вспоминая, я тыкаю в нее своими грязными пальцами, ковыряясь в подсознании и воспоминаниях.

Она была младше меня на пять лет, но была женщиной до мозга костей. Она чувствовала, когда я злился, когда я впадал в депрессии, когда мне нужно было быть одному, и молчала. Ничего из этого я не ценил – все это казалось мне совершенно нормальным, а потом оказалось, что это не так. Спустя годы я понимал, что таких как она я пока не встречал. Что женщины, окружающие меня, всегда ждали, что я изменюсь, а я, отрешенно наблюдая за ними, понимал – нет.

Расстояния не отдаляли нас, но в какой-то момент я вдруг почувствовал, что уже не испытываю того восторга от нее. Я с самовлюбленной радостью вдруг подумал, что она перестала быть моими наркотиками. Что я могу уже не писать ей. Что я могу уже не ждать вечером ее фотографий из душа с игриво играющими ножками. Что я могу не отвечать ей сразу «я скучаю», а могу совсем не отвечать. Мои демоны – хотя скорее собственная гордость и глупость – вдруг смогли убедить меня в том, что я этакая смесь одинокого рейнджера

и медведя-шатуна. За тысячи километров от меня она чувствовала: что-то пошло не так. Она аккуратно старалась понять, что произошло, но не могла этого сделать. А потом... «Саша, я выхожу замуж». А я презрительно усмехнулся, написав ей что-то вроде: «Рад за тебя. Удачи».

...она вышла замуж и вычеркнула меня из своей жизни и памяти. И я пытался потом уже, осознав собственную тупость, порадоваться за нее, но не смог. Когда я вспоминаю ее, мне кажется, что я наливаю в стакан одновременно ненависть, раздражение и признание того факта, что, если она позовет, я все брошу и приеду. Плач ситуации в том, что она не позовет. А я, поиграв в мужество и героизм, спрятался, как покусанный щенок, притворяясь, что все так и должно быть.

Женщины в один голос говорят, что я омерзителен. И если совсем недавно я лишь парировал, что у меня сложный характер, то недавно, когда моя стародавняя знакомая, красивая и умная девушка сказала: «Нет, Саша. У тебя не сложный характер. Ты просто гандон. И ведешь себя с женщинами, как гандон», я даже не обиделся. Ведь так и есть. Пока что – так и есть. И пора бы уже прекращать объяснять все сложным характером.

Скамейка была мокрой, грязной, абсолютно затерянной в парке на Никитской. Я сидел в сквере, держась за голову руками, весь покрытый мелкими колючими каплями дождя, кутаясь в куцую кожаную куртку, я ежился, чтобы хо-

лодная вода не стекала мне по голой спине под футболкой. Я смотрел, как она пьет кофе за стеклом огромной витрины кафе, улыбаясь кому-то мне невидимому. Улыбаясь так, как мне всего год назад. Касаясь кого-то невидимого рукой. А я смотрел, играя желваками, и больше всего хотел войти, сломать этому невидимому нос своим лбом, заливаясь его кровью, и в таком виде вот и доказать ей, что она выбрала не того. Но вспоминая собственное чувство омерзения от своих поступков, от игры в хладнокровного одиночку, я понимаю: «Саша, ты просто гандон». Поэтому я сплюнул и пошел в сторону метро.

И я не вспомню этот вечер

– Ахахаха, – она прямо аж давилась смехом. – Ты смешной. Давно так не смеялась!

Она призывно смотрит на меня темными глазами из-под постоянно падающей на глаза челки. «Женщину нужно все время смешить, иначе она заскучает и уйдет». Кажется, это из Покровского, но я могу ошибаться. Эту истину я усвоил навсегда. Поэтому, чередуя свои на грани приличия шутки с саркастичными замечаниями, я прекрасно держу на своем лице маску веселого молодого парня чуть за тридцать. Я улыбаюсь, доливая ей вино, и ковыряю вилкой пресный салат.

Мы сидим в модном московском ресторане, и я окружен своими близнецами. Парни молоды и подтянуты. Девушки в вечерних платьях, на высоких каблуках. У всех расширенные от удовольствия собственной значимости зрачки. Все белозубо смеются, пьют жадными глотками. Меня окружают запахи женской туалетной воды, сдобренной феромонами, я чуть возбужден и местом, и ситуацией. А еще больше – глубоким декольте своей спутницы, которая без стеснения демонстрирует отсутствие нижнего белья, что меня завораживает. Она уже сильно выпила, смех ее все громче, но он теряется в общем гуле ресторана. Глазки у нее стали уже совсем масляными. Она уже касается края платья, делая свое декольте все более вызывающим. Внезапно что-то перещел-

кивает, и я вижу себя со стороны. Уже не такого молодого, одинокого, уставшего себя. Вымучивающего из-под своего камуфляжа радости смешные шутки. Я ли это? Кризис осознанности обвалился на меня, как гранитная плита питерской набережной.

Улыбка остается натянутой на мое лицо., но я уже не слышу ее. Я вдруг понимаю, что знаю, чем кончится эта ночь. Я представляю с утра ее в своем номере отеля, уже без платья, с размазанной по лицу косметикой. Конечно, возможно, наверное, все не так. Но именно этот образ запаха пьяного секса и пота, скомканных простыней, разбросанной вокруг одежды, все это убивает сексуальность момента. Она касается моей руки, видимо, лицо мое помрачнело. Я улыбаюсь и, извинившись, иду в туалет.

Раз за разом обмывая себе лицо холодной водой, я смотрю на свое отражение в гигантском чуть затемненном зеркале. Лицо, сбросив маску, становится уставшим и некрасивым. Щетина кажется не элементом стиля, а простой неряшливостью. Круги под глазами, высохшие губы, морщины на лбу, а мне всего тридцать два.

Музыка грохочет, смех все громче, вечер переходит в стадию, когда девушки уже сбрасывают с себя туфельки, а кавалеры закатывают рукава рубашек и переходят к активной стадии ухаживания. Злость заполняет меня как яд гадюки. Я закипаю от того, что мне все это надоело, забыв, что я сам пришел сюда. Сам привел эту девчонку, склеив ее за день

до этого в аэропорту. Я застрял в Москве вместо того, чтобы быть с сыновьями. Я вспоминаю лица детей, легко вызывая их в памяти и понимаю, что сейчас я бы уже спал в соседней от них комнате. Эта мысль самоуничтожения приводит меня в самую настоящую ярость. Я сплевываю в раковину, сщеживаю «блять» вслух. Рядом со мной высокого роста парень лет тридцати пяти аккуратно расчесывает пробор на голове. Со стороны он выглядит как халдей царской России. «Чего изволите?». На нем рубашка навыпуск, и, мне кажется, для полноты образа сельского запевалы не хватает баяна. Он уже некоторое время, видимо, наблюдает за моим лицом, застывшим на его отражении, и подмигивает мне.

– Прихватило, старик? – он снова подмигивает мне. – Осве-жишься?

Он делает характерное движение ноздрями, словно снюхивая дорожку.

– Нет, – я продолжаю смотреть на него, – нет, спасибо. Мир против наркотиков.

Он жизнерадостно гогочет, не отрываясь от расчески и выверяя пробор чуть ли не по миллиметрам. Злость на самого себя накатывает волнами, гнетет меня. Я понимаю, что сейчас сорвусь. Я знаю, чем это закончится. Знаю, что сейчас это выплеснется в виде неоправданной грубости на окружающий меня мир. Только в злости я вижу себя настоящим. Отрешенным. Все это уныние не для меня, решаю я, и в момент, когда он приближает лицо к зеркалу максималь-

но близко, продолжая насиловать свой прибор, я сильно толкаю его в затылок, приложив лбом прямо в зеркало, которое тут же покрывается паутиной трещин. Осколки вываливаются в раковину. Он сползает на колени и, смешно ковыляя ногами, пытается подняться. Кровь льется по лбу, заливает ему глаза, и в этот момент в туалет влетает охрана. Видимо, где-то камера. Меня начинают бить.

Я продираю глаза и понимаю, что упираюсь лбом в стекло мчащегося автомобиля. В кармане разрывается телефон, я как эпилептик собираю с подбородка слюну и, промаргиваясь, смотрю в окно. Бескрайняя пустыня Долины Смерти окружает нас. Монотонно желтый слепящий пейзаж, где не за что зацепиться взглядом, бескрайний, с шипящим яростным зноем солнцем. Я чувствую ее взгляд украдкой. Машину она ведет уверенно, это я уже понял, и она смотрит на меня, чуть скосив взгляд. Я чувствую, что она улыбается этой своей дразнящей улыбкой, чуть вздернув нетронутые изъязном губы. Я не могу скрыть восторга от мысли о том, что вот я сплю в машине, мчащейся на Восток, с ней. Я мог бы завилать хвостом, но я же мужчина. Я долго креплюсь, но проходит секунда, я уже утыкаюсь ей в ухо, в шею, отрываю ее от руля. Она смеется тем самым смехом, который я никогда не смогу описать словами. Она целует меня, когда я подставляю щеки, губы, затылок. Я слышу запах ее духов, чего-то легкого, и мне ничего не нужно больше, я отпускаю все свои беды и обиды.

Откинувшись на кресло, я беру ее за руку, небрежно лежащую на переключателе передач.

– Ты храпишь, ты знаешь? – она продолжает смотреть вперед, но ее пальцы ласково гладят мою ладонь.

– Провокация, – тут же отвечаю я, – я не храплю никогда. До-казательства есть?

Она не отвечает, улыбаясь уже каким-то своим мыслям, а я смотрю на нежный профиль и не могу сдержаться от чувства эйфории. От осознания того, как это она, такая прекрасная, выбрала меня, вот такого, какой есть. Влюбленность захлестывает меня, я касаюсь губами ее пальцев и надолго замираю вот так, успокоившись, чувствуя нежную кожу ее запястья на щетине. Кутаясь в эту ладонь, как в плед.

Вы спросите, что это? Зачем? Потому что я сам, когда пишу это, вспоминаю. И сердце мое сжимается от этих воспоминаний. Ведь совсем скоро моя убудочная натура все изгадит. Совсем скоро я все испорчу. И обратно я поеду уже один. Ведь это дар – портить жизнь окружающим меня людям, тем, кто пытался дарить мне любовь и тепло, которые я воспринимаю как должное. Привыкаю к ним. Сплюываю и ухожу в другую дверь. Не от жажды уйти, а от собственного скотства.

Я был совсем пьян. Я ползал по комнате вонючей гостиницы и ревел, как раненый мул. Я кричал, но в потоках слез и ругательств не было слышно ничего членораздельного, кроме «Умер! Он умер!!!». Кровь текла носом, я пол-

зал по осколкам бокала, который я разбил, швырнув в стену. Кровь и слезы смешивались на полу, и я валялся в этом, пытаюсь добраться до стоящей на низком столике бутылки. «Пока ты есть, есть мир. А когда тебя не будет, то не будет и мира» – говорил мне отец, когда я маленький начал бояться смерти. И вот нет для него, для моего друга, для моей крови, мира не стало. Он умер, умер внезапно, быстро, так, что я не успел взглянуть в его глаза. И я выл, Боже, как я выл. Скорбь моя вылилась в ярость, ненависть и боль. Этот коктейль вырвался из меня, превратив в дикое, словно раненое животное. «Вы все! Вы все должны умереть вместо него!» – выкрикивал я, когда в номер, открыв его своим ключом, вошел портё в сопровождении охранника. Я помню их глаза, удивленные, сочувствующие, обескураженные. Ведь это я, в черной сорочке с каменным лицом, всего два часа как молча оплатил номер. И вот, как червь, в собственном говне и крови, я на четвереньках ползаю по полу... из грязи в князи? Нет. Из говна в помои. В помои.

Могила ухоженная. Я смотрю в камень. Не видя. И плачу, как девчонка. От бессилия... ведь для него мира уже нет, но в этом мире остался я.

Я пишу это, упившись кофе, проведя тридцать пять часов без сна. Побывав в четырех городах за двое суток и в сотне мест. Я просто пишу это, и сдавленный ком мешает мне сглотнуть от воспоминаний тысяч сделанных гадостей и глупостей.

Но я выплусь. Саркастичная ухмылка вернется на место. Суррогатное ощущение собственной значимости накроет меня. И я не вспомню этот вечер.

Камень и я

Странный вечер. И текст странный.

– Вот говно.

Я смотрел на разбитое лобовое стекло своей машины. Не было ощущения обиды, только злость, причем не за себя, не за деньги и время – чего уж их теперь жалеть. Жалко было хорошо сделанную чужую работу, ведь люди морочились с этой машиной. Долго ее делали, смотрели со стороны, и тут какой-то убудок взял в руки камень и воткнул его в мое стекло. Оно покрылось паутиной трещин, и камень пробил многослойный сверкающий триплекс. У меня почему-то не было других ассоциаций, кроме как надругательства над женщиной. Уж не знаю, что за фантазия, но именно так я видел сейчас машину: словно кто-то взял и грязно трахнул ее, вытерев потом руки об подол платья. Вот говно.

Я смачно сплюнул сквозь зубы на землю, вызвав явное содрогание у проходящей мимо пасторальной семейки. Отец семейства, молодой парень, явно хотел сделать замечание, но, оперевшись взглядом в мое окаменевшее от злости лицо, он смутился и ускорил шаг. Сейчас мне невероятно хотелось закурить, хотелось вытащить из внутреннего кармана куртки пачку сигарет, неторопливо выбить одну, всунуть ее в угол рта и глубоко затянуться, почувствовав укол никотина в легкие. Ощущение настолько яркое, что я лезу во внут-

ренный карман, который, естественно, пуст. Я бросил курить много лет назад, и с тех пор каждый день я мечтаю о сигарете. Но нет, теперь я ЗОЖ. Теперь каждый день я таскаю свое уставшее тело на какие-то совершенно дикие саморазрушению тренировки. Я перестал упиваться до рвоты в клубах, гоняться за телками, драться с какими-то чертями в обносках на темных улицах. Нет, теперь я совсем другой. Я ношу легкую щетину, брею голову и выгляжу дорого – такая работа. Я должен выглядеть не таким, какой я есть, а так, чтоб хостес ресторана быстро находил мне столик. Так, чтобы мои оппоненты во время диалогов не чувствовали тревоги от потянутой моей футболки и торчащего ножа. Все давно уже не так. Я снова сплевываю и пытаюсь понять, что делать. Можно ли ехать на этой машине? Или это запрещено?

Непрерывно матерясь, я выковыриваю камень из стекла, осколки валяются пылью в салон, и я понимаю, что сейчас буду тереться жопой о стеклянную пыль. Дырка осталась здоровенная. Какое-то время я держу в руках камень, растерянно соображая, как поступить, и в итоге кладу его зачем-то в машину на сидение рядом с собой. Аккуратно сев на водительское кресло, я какое-то время тупо смотрю на камень, который лежит справа. У меня стойкое ощущение, что камень смотрит перед собой в разбитое им же стекло и, сжав губы, ждет, пока мы поедем. Я пару раз, не имея на то ни одного объяснения, хлопаю камень сверху, как товарища. Завожу машину и, глядя в дыру в стекле, обращаясь к камню

говорю:

– Поехали, Джонатан. Нам пора.

Джонатан молчит, сжав свои каменные губы. Я тронулся с места, думая, что день обещает быть странноватым.

Одиночество сокрушает меня. Причем не само по себе, а как явление. Что это значит? Это значит, что иногда, появляясь в Питере ночью, выходя из аэропорта под стонущих в наушниках БИ-2, я понимаю, что сейчас я окажусь в совершенно пустой своей квартире. На самом деле, «своей» – это преувеличение. Я, от безденежья, фанат шеринговой экономики, поэтому я переступлю невысокий порог чьей-то квартиры, в которой я живу сейчас.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.